А.Ю.Козлова

"Трудные" слова в текстах и словарях.

Толковая палея - замечательный памятник древнерусской литературы Х111-Х1У вв., в котором вместе с дополнениями и комментариями излагаются отдельные книги Ветхого завета.[1] Важной составной частью произведения, отличающей Толковую палею от других типов палей - Исторической и Хронографической, является обилие полемических антииудейских толкований. Основной источник - Священное писание перемежается в Толковой палее отрывками из творений отцов церкви, многочисленными апокрифами; здесь можно найти самые разнообразные сведения богословского, исторического и естественнонаучного характера. Памятник необыкновенно сложен по своему составу и содержанию, весьма значителен по объему. "В миниатюре - это словно энциклопедия всего того, чем жили и питались духовные потребности наших предков."[2]

С особо вдохновенными дополнениями передается в Толковой палее книга Бытия пророка Моисея, что, конечно, не случайно : ведь именно здесь затрагиваются важнейшие вопросы мироздания, возникновения и сущности человека. Автор-составитель Палеи расширил текст книги Бытия славянским переводом сочинения Аристотеля "Historia animalium" /"История животных"/, позаимствовав его, по-видимому, из другого широко известного в сред-

[1] Название произведения связано с др.-греческим наименованием Ветхого завета : палея - это собственно форма женского рода прилагательного παλαιός "древний, старый" в сочетании ἡ παλαιὰ διαθήκη - "Ветхий завет".

[2] Михайлов А.В. Общий обзор состава, редакций и литературных источников Толковой палеи. // Варшавские университетские известия. - 1895. № 7. - С.1.

невековой Руси произведения - Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского.

Так вот, в весьма сокращенном изложении первого в славянской литературе анатомо-физиологического трактата во всех списках Толковой палеи встречаются два загадочных слова, которые весьма затрудняют понимание текста.

Одно из них - представленная в большинстве списков Палеи форма ключа : "Ср/д/це же оубо вчинено и лежить на ср/д/нѣмъ мѣстѣ въ ширина/х/ обдержимо и хранимо округъ ключа /в др. сп. ключами/ яко /ж/ оубо имши/м/ е и яко вл/д/ка ествьнiи в чертозѣ и набдить инѣми частми окру/г/ обистоящие его оуды... и не дающе ближни/м/ вредомъ приближити/с/..."[3]

Конечно, зная сейчас источник трактата, чтобы выяснить, что скрывается под этим словом, мы можем обратиться и к Шестодневу, и даже к самому сочинению Аристотеля - и разом покончить со всеми тайнами, но читатели Древней Руси не проводили такого текстологического изыскания, да и само загадочное слово ключа имеет семивековую историю.

На протяжении пяти веков - Х1У-ХУ111 вв. - переписчики Палеи воспроизводили его в двух вариантах - ключа и ключами. Уже в наше время оно попало в Словарь древнерусского языка /Х1-Х1У вв./[4], но составители Словаря не определили значения этого слова, начальную форму дали как ключѣ /ключа/ и указали, что во всех расписанных для Словаря древнерусских памят-

[3] Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Н.С.Тихонравова. Вып.1. - М.: 1892. - Л.31 б.

[4] Словарь древнерусского языка /Х1-Х1У вв./. Том 1У. - М.: Русский язык. 1991. - С.227.

никах оно встретилось лишь однажды.

Попытаемся вникнуть в смысл цитаты: "Сердце же создано и находится в середине внутри тела, окружено...", а дальше - колебания переписчиков в форме слова : клюща или клющами , причем в большинстве списков представлен первый вариант. Эти колебания вызваны затруднением в понимании сочетания хранимо округъ клюща /клющами/: "хранимо вокруг чего-то" или "хранимо вокруг, т.е. защищено везде чем-то". Для первого чтения подходит форма клюща, для второго - клющами. И смысл, и продолжение цитаты показывают правильность второго чтения : не сердце хранится вокруг чего-то, а само сердце является центром, вокруг которого находятся другие органы. Итак, "сердце же создано и находится в середине внутри тела, окружено и защищено вокруг клющами, как бы охватившими его, /и/ как владыка настоящий в чертогах, следит за другими частями тела - окружающими его органами..., которые не дают близко приблизиться кому-то или чему-то с целью вреда."

Форма слова указывает на творительный падеж, явно, не единственного числа. Что же окружает сердце ? Ответ простой - легкие. Именно легкие соседствуют с сердцем, как бы охватывая его, являются парным органом, поэтому слово, выражающее это понятие, должно стоять в двойственном, для начала ХУ века /примерная датировка древнейших списков Толковой палеи/ - во множественном числе.

В переводных памятниках древнерусской письменности легкое передавалось словом плюще, множественное число - плюща. Совершенно очевидно, что клющами Толковой палеи является искаженной передачей этого слова, в чем можно убедиться, сопоставив данную фразу Палеи с текстом У1 Слова Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского, где и обнаруживается уже "вычисленная"

форма творительного падежа множественного числа – плющами.[5]

Не проще ли, чтоб обнаружить ошибку, сразу обратиться к тексту Шестоднева ? Думается, что приведенные рассуждения были не бесполезны : всегда очень важно быть внимательным к семантике текста, выяснить причину появления разночтений, да и не для каждого загадочного слова известен источник-разгадка, и, наконец, история ключа на этом не заканчивается.

На том же листе в Толковой палее находится другое непонятное слово ключами : "Есть же оубо и личная часть нарѣцаемыи носъ. им же вдымание /в др. сп. издыхание/ ѡ/т/ скровища ср/д/чнаго ключами вспущаемо в перси и в гортань приимата /в др. сп. приимаета/ ноздри. и впровожаета /в др. сп. въпроваживаета/ ноздри и па/к/ опять."[6] Во всех списках Палеи слово передается одинаково, в Словаре древнерусского языка значение ключами определено приблизительно – "струя ?"[7], начальная форма слова, по мнению составителей, ключь , опять же указывается единичность его употребления.

Авторы словарных статей не заметили, что ключа /клющами/ и ключами можно соотнести: основы клющ- и ключ- могут представлять церковнославянский и древнерусский варианты одного и того же слова. Подходит ли к ключами значение "легкие " ? Да, убедимся в этом при анализе контекста. В нем говорится о воздушных путях человеческого организма : довольно последовательно называются нос, гортань, ключа "легкие", ноздри. Отмечается, что воздух, вдохнутый носом, с помощью легких попа-

[5] Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского по русскому списку ХУ века. /ГБЛ, МДА, № 145, л.241 об./

[6] Палея толковая..., л.31 а.

[7] Словарь древнерусского языка /Х1-Х1У вв./. Том 1У, с.226.

7*- 113

дает в грудь или /обратно/ в гортань, а затем в ноздри. Понятие, обозначенное ключами, опять же, как и в первом отрывке, связывается с сердцем - "скровищами сердечными". Проверим предположение текстом Шестоднева : действительно, форме ключами будет соответствовать уже известное нам плющами.[8]

Тут уже стоит задуматься : а случайна ли эта ошибка, сделанная два раза ? Может быть, в древнерусском языке существовали слова клюще и ключе для обозначения легкого ?

Такое предположение представляется маловероятным.

Во-первых, для наименования легкого в письменности Древней Руси уже известно существование трех /!/ слов : плюще, плюче и собственно легкое - со строго определенной сферой употребления. Плюще и его русский вариант плюче использовались весьма редко в основном в переводных памятниках : Хронике Георгия Амартола, Шестодневе Иоанна экзарха Болгарского и т.д. По-видимому, это весьма древнее слово, восходящее к общеславянскому лексическому фонду - оно фиксируется во всех без исключения современных западнославянских языках : чеш. plíce "легкие", слвц. pľúca, польск. płuca, в.-луж. и н.-луж. płuco - и некоторых южнославянских : сербохорв. плу̏ћа "легкие", словен. pljúča; родственно лит. plaũčiai, лтш. plàušas "легкие", др.-прусск. plauti "легкое".[9] Впервые оно отмечается в старославянском языке в виде плоуштa в Супральской рукописи. Хотя плюще и имеет древнерусский вариант плюче /никаких стилистических или семантических различий между ними не наблюдается/, оно, вероятно, не было характерным для живой

8 Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского, л.239.

9 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том.3. - М.: Прогресс. 1971. - С.797/.

речи Древней Руси, т.к. в современных восточнославянских языках не осталось никаких его следов ни в говорах, ни в литературном языке ; от него нет и никаких производных слов. Из живой речи это слово бесследно не могло исчезнуть, т.к. обозначало конкретный предмет, с которым люди часто сталкивались в определенной бытовой ситуации - при забое скотины. Кстати, этимология плюще/плюче и легкого весьма схожа и связана именно с этой хозяйственной операцией : плюще - "первоначально то, что плавает"[10], а легкое - "... при разделке туши съедобные внутренности кладутся в посуду с водой, причем легкие остаются на поверхности, а сердце и печень погружаются..."[11]. В бытовых текстах, правда, только лишь с ХУ1 века отмечается слово легкое.[12] Таким образом, предположение о реальном существовании в древнерусском литературно-письменном языке слов клюще и ключе для наименования легкого неубедительно : наличие пяти слов для обозначения одного конкретного предмета слишком избыточно.

Во-вторых, необходимо принять во внимание характер использования в Палее текста Шестоднева. Г.С.Баранкова заметила, что "переработка отдельных слов в "Толковой Палее" может свидетельствовать о том, что ее составитель /или писец/ не всегда понимал значение слов из Шестоднева. Такова, например, переделка... слова мъчьтъ на слово мышца..."[13] и т.д. Если плюще было не ши-

---

[10] Фасмер М., там же.

[11] Фасмер М. Этимологический словарь..., том 2. - С.474.

[12] Словарь русского языка Х1 ХУ11 вв. Вып.8. - М.: Наука.1981. - С.191.

[13] Баранкова Г.С. О взаимоотношениях "Шестоднева" Иоанна экзарха Болгарского и "Толковой Палеи". // История русского языка. Исследование и тексты. - М.:Наука. 1982. - С.276/.

роко распространенными и исключительно книжным словом, то составитель Палеи мог его не знать и исказить, сблизив невольно, допустим, с более привычным ключица.

Все высказанное позволяет утверждать, что клющѣ и ключь - мнимые слова, возникшие из-за ошибки, и поэтому их гражданство в словарях незаконно. Но окончательно признать их "призрачность" мешают неожиданно обнаруживающиеся совершенно неоднозначные и противоречивые следы их существования.

Что же говорит против "призрачности" этих слов?

Если клющѣ и ключь были ошибками, то почему же ни в одном из списков Толковой палеи, несмотря на прозрачность контекста, искаженные написания не были исправлены ? Неужели никто из писцов, переписывавших текст в Х1У-ХУ111 веках, не знал слова плюще/плюче и не понял смысла им самим написанной фразы ?

Далее, в Словаре русского языка Х1-ХУ11 вв. находятся два гапакса /гапакс - слово, употребленное лишь однажды /: ключа - предположительно "почки" и ключья - опять же предположительно "болезнь". Их значение определено по одному контексту из памятника ХУ11 века "Начало премудрости афинеиской..." : "Аще урина свѣтла и черна и многа урины такии чл҃вкъ ключьею болит от многа огня, аще ли урины много а свѣтла и бѣла тогда ключа исказилися от многия студени".[14] Не восходят ли и здесь ключья и ключа к одному слову - плюче ? И не значат ли они все те же "легкие"? Конечно, урина-моча связана прежде всего с почками, но при воспалении легких происходит общая интоксикация организма, и заболевание почек может явиться осложнением пневмонии. Если под данными словами подразумевать легкие, то фраза не будет противо-

[14] Словарь русского языка Х1-ХУ11 вв. Вып. 7. - М.:Наука. 1980. - С.183.

речить действительности, тем более, что никому не известно, чтобы где-нибудь и когда-нибудь почки именовались ключа, нигде не встретилось и подобное название болезни - ключья. Здесь опять сталкиваемся с названием какого-то внутреннего органа тела, опять есть указания на единичность употребления и приводится лишь приблизительное значение. Чувствуется, что какая-то связь этих слов с загадочными словами Толковой палеи имеется, но четко определить ее трудно. Свидетельствует ли цитата, что ошибка в искажении слова плюще /плюче/ не единична или же, наоборот, это показывает, что слово ключе в действительности обозначало легкое или какой-нибудь другой орган тела ?

И, напоследок, еще одна встреча, правда, не с самим словом, а образованным от него прилагательным. В Описании славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки А.В.Горского и К.И.Невоструева приведено выражение из "Вопросов и ответов св. Сильвестра и препод.Антония" по списку 1512 г. - "о кличнѣмъ съставѣ"[15]. Тут же приведенный параллельный греческий текст показывает, что речь идет о легких. Ошибка ли это, встретившаяся уже в пятый раз, или доказательство реального существования слова ?

Интересно, что кличный из Описания попало в два весьма авторитетных словаря, в которых было представлено совершенно по-разному ! Фр.Миклошич в своем издании решительно исправил ошибку : "pro /вместо - А.К./ пличнѣмъ"[16], а И.И.Срезневский в Материалах для словаря древнерусского языка передал кличный

---

[15] Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2, часть 2. - М.: 1860. - С.147.

[16] Miklosich Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum - Vindobonae : 1862-1865 - C 575

без изменений[17]. Прилагательному придан статус слова, посвящена отдельная словарная статья, хотя толкование его весьма странно - "прилагательное от кличь", а у слова кличь ни в этом словаре, ни в каком-либо другом нет значения, хоть как-то связанного с обозначением какого-то органа тела.

Таким образом, несмотря на все приведенные доводы, пока еще трудно определенно отнести клющѣ и ключь Толковой палеи либо к призрачным словам, либо к словам, реально существовавшим в литературно-письменном языке Древней Руси.

Для древнерусской письменности пока еще никто не пытался создать типологию слов, затрудняющих чтение и понимание текста, - "трудных" слов. Такое исследование, если оно в принципе возможно, во многом бы облегчило изучение, перевод и толкование древних текстов : можно было бы искать прецеденты, проводить аналогии.

Далее предлагается обзор особо замечательных, загадочных "трудных" слов древнерусской письменности, которые обратили на себя внимание исследователей. Среди них можно выделить группу призрачных слов, возникших из-за всевозможных ошибок, описок, неверного членения текста ; во-вторых, это неясные слова, оказавшиеся диалектными, и, в-третьих, заимствования из других языков, для которых весьма трудно бывает определить язык-источник.

Призрачное слово, никогда не существовавшее в действительности, может незаконно находиться даже не в одном словаре, на него могут опираться в лексикологических и этимологических ис-

[17] Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Том.1. - Изд-е 2-ое. М.: 1958. - Стлб. 1223.

следованиях.

Зафиксированному в Материалах для словаря древнерусского языка И.И.Срезневского выражению вермие дубное были посвящены статьи А.Матла и А.Вайана[18]. А.Матл убедительно показал, что речь идет о случайной порче сочетания вершие дубное "верхушки, побеги дуба". Необходимость исправления ошибки была связана с тем, что вермие использовалось в многочисленных этимологических работах, сближавших его с индоевропейским *u̯rmi "червь".

Весьма интересна и поучительна история очень известного загадочного слова бъдынъ, которое находится в завещании княгини Ольги сыну Святославу : "ни бъдына деяти" после ее смерти. Бъдыну посвящено колоссальное количество работ и историков, и лингвистов, по-разному этимологизировавших его и искавших в нем отражение славянского язычества. Однако З.А.Гриценко выяснила, что "выражение ни бъдына деяти появилось в рукописях с ХУ1 века. В Прологах Х1У-ХУ1 вв. встречается ни годины деяти"[19]. Исследовательница отмечает : " Мне кажется, что слова "бъда", "бъдынъ"

---

[18] Mátl A. Das angebliche altrussische vermye // Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university, 1964, XIII, řada jazykovědná (A), č 12, c 37-41
Vaillant A. Un mot imaginaire vieux-russe vermye, sauterelles, vers // Revue des etudes slaves, 1969, v 48 p 78

Содержание статьи А.Малла анализируется в рец. Трубачева О.Н „Sborník prací Filosofické fakulty // Этимология 1965. - М.: Наука. 1967. - С. 389-390.

[19] Гриценко З.А. Загадочное "бъдынъ"./Об одном разночтении в произведениях о княгине Ольге/. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 1. - М.: 1989. - С.284. А также : Гриценко З.А. Загадочное "бъдынъ". // Русская речь. 1978. № 6. - С. 107-109.

"дын" /варианты этого слова по рукописям - А.К./ возникли в результате ошибки переписчика из слова година. Это слово более раннее и чаще повторяющееся. Очевидно, в дефектном, неясно писанном тексте писец прочел вместо первого слога "го" - "б" и, не вдаваясь в подробности, в смысл, переписал его в свой текст. Таким образом, из "година" получилась "бдина". А к ХУ11 в. это непонятное "бдин" стало варьироваться в написании /бдын, бъдын, бьдя, бедын/ или заменяться другими, вполне понятными и подходящими по смыслу словами"[20].

М.Фасмер указал на призрачность гапакса жюр, встретившегося в одном из списков Слова о погибели русской земли[21]. Вероятно, это описка вместо кюр "господин", представленное в других списках памятника. Но жюр до сих пор существует в пятом выпуске Словаря русского языка Х1-ХУ11 вв.[22]

В Материалах для словаря древнерусского языка И.И.Срезневского находится непонятное слово без толкования - кусина из "Книги Александръ" сборника ХУ века.[23] В.М.Истрин в своем издании "Александрия русских хронографов. Исследование и текст" дал верное чтение этого слова : "въ воусинѣхъ" вместо "въ коусинѣхъ", то есть "в одеждах из тонкой льняной ткани".[24]

---

[20] Гриценко З.А. Загадочное "бъдынъ", с. 284.

[21] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том 2. - С.69.

[22] Словарь русского языка Х1-ХУ11 вв. Вып.5 - М.: Наука. 1978. - С.126.

[23] Срезневский И.И. Материалы..., том 1. - Стлб.1381.

[24] Истрин В.М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. - М.: 1893. - С.41. /Александрия первой редакции/. На этот случай наше внимание обратил И.Г.Добродомов.

И.Г.Добродомов исследовал случаи возникновения чисто графическим путем неорганического с в памятниках старинной русской письменности и указал появившиеся в результате этого гапаксы - мнимые слова : в Азбуковнике ХУ1 века искра, поясняющее греческое хавыяръ "икра", корскота - название болезни, попавшее в Словарь русского языка Х1-ХУ11 вв. на основании одной фиксации в Лечебнике ХУ11 века без соотнесения с аналогичным коркота летописных текстов, а также фурстовина из фуртовина "буря" с с, появившимся после внесения в строку какой-то вертикальной черточки над фуртовина.[25]

Одно из самых замечательных трудных слов древнерусской письменности, уже второе столетие существующее незаконно и в словарях, и в изданиях летописей, - это загадочная форма итолка, которая встречается два раза в текстах Псковской 1-ой и Новгородской 1-ой летописей. Несмотря на то, что уже в 1837 году М.П.Погодин дал правильное чтение темного слова как сочетание союза и + винительный падеж от слова тълкъ "переводчик"[26], мнимый итолокъ находится и в "Материалах для словаря древнерусского языка" И.И.Срезневского,[27] и в "Материалах для терминологического словаря древней России" Г.Е.Кочина, и в 1У томе "Полно-

[25] Добродомов И.Г. Существовало ли на Волге слово фурстовина ? // Двуязычие и контрастивная грамматика. - Чебоксары: 1987. - С.18-25.

[26] Погодин М. Псковская летопись, изданная на иждивении Общества Истории и Древностей Российских, при Московском университете. - М.: 1837. - С.94.

[27] И.И.Срезневский заметил ошибку : ту же самую цитату из Псковской летописи он поместил под словом тълкъ "переводчик", но ошибочная выписка не была им уничтожена и осталась на своем месте при издании "Материалов..." после его смерти.

го собрания русских летописей", выпущенного в 1848 году Археографической комиссией, в издании Псковской летописи А.Н.Насоновым /вып.1. - М.:Л. 1941 ; вып.2. - М.:1955/, в изданиях Новгородской летописи 1888 и 1950 гг. И только после того, как И.Э.Клейненбергом были привлечены ливонские документы того времени[28], Н.А.Казаковой удалось показать, что речь шла именно о переводчике[29]; И.Г.Добродомов проанализировал историю возникновения и закрепления ошибки.[30]

Он же указал нам еще несколько случаев возникновения подобных мнимых слов, получившихся в результате неверного членения слова и союза и, которые зафиксированы Словарем русского языка Х1-ХУ11 вв.:

"Изинбиль, ж. Куль, мягкая корзина как мера сыпучих тел. Гилянец ж Сусени Маметев сказал у себя 4 изинбили пшена ; гилянец же Абусеин Маметевъ сказалъ у себя 2 изинбили ягодъ. Астрах. а., № 1782 сст.3 1646. Ср. зинбель".[31] Вероятно, в сочетаниях четыри зинбили, двои зинбили последний звук первого слова отошел ко второму слову.

"Икентавръ, м. Кентавр... Яко биринъ... тако же и икентавръ ; полъ его есть члвка, полъ осляте. Физ., 242. ХУ - ХУ1 в."[32]

[28] Клейненберг И.Э. О названии новгородского пригорода Ямы в западных источниках ХУ в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. - 1958. № 1.

[29] Казакова Н.А. О загадочном слове "итолок" новгородских и псковских летописей. // Труды отдела древнерусской литературы. Том ХХ1У. - Л.: Наука. 1969. - С.139-142.

[30] Добродомов И.Г. Хотя слово и есть в словарях... // Русская речь. 1973, № 1. - С.124-125.

[31] Словарь русского языка Х1-ХУ11 вв. Вып.6. - М.:1979. - С.154.

[32] Там же. - С.220.

Начальное и слова появилось от союза, или слишком протянутого при чтении, или повторенного два раза.

Аналогично : "Иснулый, прил. Снулый /о рыбе/. ... оброчные стерляди живыми и иснулыми..."[33] Долгое звучание и в окончании и союзе распространяется на следующее слово.

"Ичирыки, мн. Низкая кожаная обувь типа поршней. Донские казаки 2 человѣка, Ларька да Ефтюшка, а рухледи у них... 2 ичирыки..."[34]. По-видимому, опять ошибка чтения : двои чирыки.

И, наоборот, потеря начального и :

"Зворогъ, м. Выкидыш. /1096/ : Ядяху скверно всяку... женскыи зворогы яляху... Ср. изворогъ."[35] Совершенно очевидно, что при чтении или диктовке у переписчика слились конец первого и начало второго слова - женскы/и/зворогы.

И "грылля, ж. /?/ О епсиъхъ о причетницех, иж/е/ играют и глумятс/я/ и упиваются и ловы дъют и на позорища ходят и грылля дают или гробы воскапывают..."[36]. И грылля, действительно, два слова, но не сочетание союза с существительным, а сочетание существительного с постпозитивным предлогом: игры для, то есть "ради игры". При чтении союз и и начальное и слова игры слились, затем сочетание было неверно расчленено, в результате чего получилась призрачная, уродливая грылля.

Призрачное слово может появиться из-за затруднения в идентификации в древнем тексте местного лексического элемента. И.Г.Добродомов рассмотрел гапакс Словаря русского языка Х1 - ХУ11 вв. ирп "рыболовная снасть". Оказалось, что в тексте говорится о сырпе "сети в виде мешка с двумя тетивами". Иссле-

[33] Там же, с.268.

[34] Там же, с.358.

[35] Словарь русского языка..., вып.5-М.:Наука.1978. - С.358.

[36] Словарь русского языка..., вып.4 - М.:Наука.1977. - С.147.

дователю удалось не только показать "призрачность" ирпа, но и установить, что слово сырп было известно русским пермским говорам уже с конца ХУ11 в.[37]

Значение непонятного слова лаибина Материалов Срезневского прояснила Г.А.Богатова через сближение с другим словом – ламба, ламбина "заросшее мхом болото, озерцо".[38]

Особые трудности вызывает прояснение темных слов древнерусских текстов, оказавшихся заимствованиями древнерусского языка из других языков. Этой проблеме посвящено колоссальное число изысканий – упомянем лишь некоторые.

Непонятное слово боръ Повести временных лет, характеризующее тюркское половецкое войско в движении, толковали поразному : и как славянское "лес", и как славянское "боров". И.Г.Добродомов считает, что в летописном сравнении "аки борове" следует видеть отражение др.-тюрк. бурча "как тучи /пыли/

---

[37] Добродомов И.Г. Грамматическая и лексическая семантика в старинном тексте. // Грамматическая семантика русского языка. Вологда. 1983. – С.53 – 54.

[38] Богатова Г.А. Соотношение цитаты и словаря /об особенности иллюстрирования слов и значений в словарях исторического жанра. // Вопросы языкознания. – 1980, № 6. – С.58.

[39] Добродомов И.Г. Загадочная параллель бур /бор/ орхонских рунических надписей и бор /бъръ/ "Повести временных лет". // TURCOLOGICA. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. – Л.: Наука. 1976. – С.241 – 247.

Толкование бъръ как "туча /пыли/" было принято в Словаре древнерусского языка /Х1 – Х1У вв./ /Том 1. – М.: Русский язык 1988. – С.330/, но затем в Исправлениях в следующем томе /том – М.: Русский язык. 1989. – С.491/ без объяснений снято.

Он же выяснил, что кадамы в переписке Ивана Грозного с Василием Григорьевичем Грязным-Ильиным передают осетинское слово qadamo "кандалы, оковы"[40]; гапаксы шомурдук, балахай из "Лексикона вокабулам новым по алфавиту" - первого словарика, объединившего новые заимствования из европейских языков, - происходят отнюдь не из Западной Европы и являются булгаризмами.[41]

Тюркизмом оказалось и чтение бильдюга Словаря русского языка XI-XУII вв. из воронежских документов XУII в.[42] В.И.Хитрова указала иной вид этого слова - бильдюга, установила точное значение - "небольшая крестьянская изба, построенная из мелкого леса", этимологию и пути его проникновения в говоры Воронежской земли.[43]

---

[40] Добродомов И.Г. Об аланизмах в русском языке. // Осетинская филология. Вып.2. - Орджоникидзе. 1981. - С.37 - 41.

[41] Добродомов И.Г. Два гапакса из "Лексикона вокабулам новым". // Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Вып.XXXIX. - Чебоксары: 1969. - С.234-235.

[42] Словарь русского языка XI-XУII вв. Вып.1.- М.:Наука. 1975. С.185.

[43] Хитрова В.А. Слово "бильдюга" в воронежской письменности. // Вопросы грамматики и лексики русского языка. Известия Воронежского государственного института. Том 126. - Воронеж : 1972. - С.149-152.